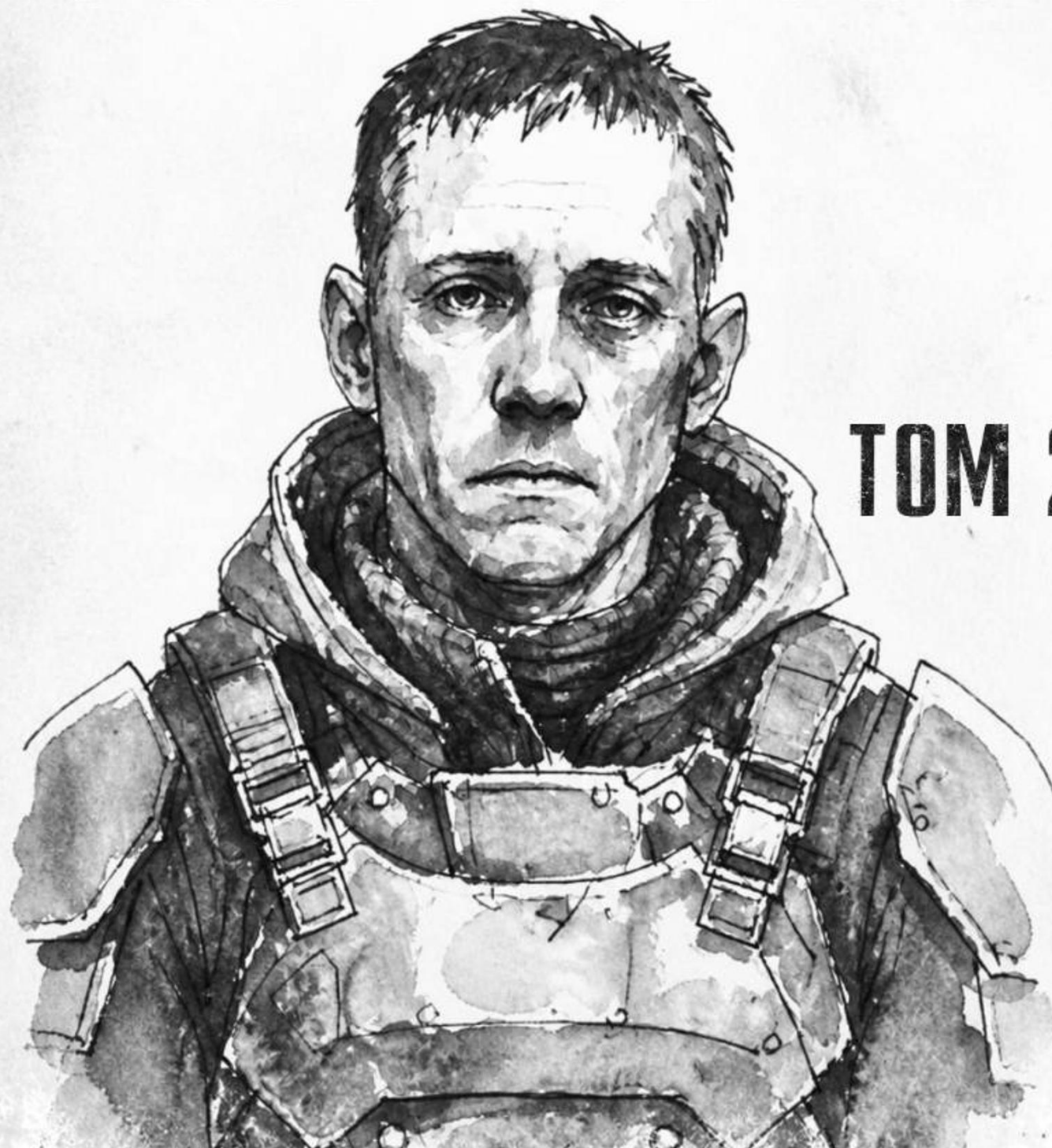


ГЛЕБ КОВЗИК

ТОМ 2



СИННИЧКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Глеб КОВЗИК

Синичка. Том 2

«Автор»

2026

Ковзик Г.

Синичка. Том 2 / Г. Ковзик — «Автор», 2026

После уничтожения «Чёрного лебедя» Давид и Илья стали героями для одних и врагами для всех остальных. Спасаясь от военных, наёмников и собственной дурной славы, они соглашаются на крайне необычный контракт: проникнуть в город религиозных фанатиков и найти их загадочного предводителя. Шансов выбраться из секты немного — в Периметре начинается новая война, а имя Синички привлекает слишком много опасного внимания. Но сильнее всего Давида тревожит другое: кем он станет, если продолжит жить под чужим именем?

© Ковзик Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Митяй	5
Глава 2. Не маши хвостиком	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Глеб Ковзик

Синичка. Том 2

Глава 1. Митяй

Медовых куц глаза не видят

Была ночь. Шумели голые ветви над головой.

Митяй разжёл костёр без нашей помощи. Огонь поначалу не брался, тогда в ход пошла старая хвоя — сноп искр, пламя, жар. Дым уходил в лес, и меж деревьев появился белесый с жёлтым отсветом туман.

Вдали кричала сова. Январь лишь отдалённо напоминал детские морозы: тёплые ветра с юга задували на Урал, и не было ни холода, ни льда, ни снега, от зимнего осталась разве что заснувшая природа с опавшей листвой. Однако этой ночью мы дрожали так, что зуб на зуб не попадал.

Манил к себе автомат, приложенный к стволу сосны. Фонарь, который спасал от мутантов, покрылся чёрной копотью и сгорел.

— Рубин четыре, это Сапсан. К утру будем в зоне эвакуации, прием.

В ответ его рация прошипела. Митяй повторился, но в ответ тишина.

— Да чтоб вас всех... — поковырял он ногтём в устройстве. — Где вы все?

Сеанс связи повторился через час. Ему ответили:

— Это Рубин четыре. Направляйтесь в зону эвакуации. Встреча в восемь ноль-ноль. Вас ожидает Эльбрус, вы переходите под его командование, приём.

У военного на лице появилось секундное замешательство, но заметив наш интерес, но быстро скрылся за маской:

— Рубин четыре, это Сапсан. Понял, перехожу под командование Эльбруса, конец связи.

Митяй напевал пацанскую мелодию, простую и тупую, как он сам. После того, как он взял нас в плен, мы прошли несколько суток по непонятному маршруту, сквозь пинки и аномалии. Дважды благодаря этому олуху меня укусила кислица — хорошо, что псевдорастение было совсем хилым. Илья сильно расцарапал лицо, и это вкупе с огромным синяком делало его ещё более несчастным.

Несколько дней блужданий. Несколько ночей сна, полного ужаса, что нас кто-нибудь сожрёт и не подавится. Сотни часов в одной компании с Митяем.

И ни одного крипторубля в кармане... Сходили, выполнили контракт века, ага.

В костёр подбросили веток, и пламя принялось поедать новичков. В глазах показался Алекс Лапсо, молодой и экстравагантный богач, чьё знакомство оказалось сколь коротким, столь и смертельным. Жуткая смерть. В долгом молчаливом походе мы, конечно, думали, осмысливали произошедшее. Свой поступок и своё поведение. Может, начитанный Илья морализирует — он у меня тот ещё философ, — а у меня сомнений не так много.

Нас вели непонятно куда. Скорее всего, Митяй продан кому-то — другого варианта я просто не вижу, зачем водить пленников по лесам и берегам озёр, укрываясь от жужащих дронов в небе. Какой-нибудь богач или сам генерал-губернатор Урала решил найти обидчиков, устроивших заварушку в Периметре. Или сам папик Лапсо вознамерился отомстить убийцам его сына.

Их, богатых, легко понять: мы первые, кто сумели уложить на землю хваленный атмосферный корабль. До недавнего времени все боялись одного вида летающей крепости, а тут — на тебе, грохнулась птичка... Репутацию подмочили знатно. Боюсь представить, какой как штурмят социальные сети в Периметре.

— Я ни о чём не жалею, — впервые за пару дней громко произнёс Илья. Прежде он говорил только шёпотом и со мной. — Слышишь?

Митяй, видимо, понял, что обращение к нему, а не ко мне. Он посмотрел на нас сквозь костёр.

— О чём ты не жалеешь, лопух?

— Обо всём. Вообще. И что бы ты ни сделал, просто знай: я б ещё раз повторил всё это. Но ты конченный... — на этом слове Илья поперхнулся и умолк.

Ещё дороги моему другу рёбра.

— Ну, пацаны, вы даёте, — военный выпрямился. — Считаете меня конченным мудаком?

— Считаем.

Митяй, весь путь пытавшийся нас разговорить, вдруг получил удобный момент. Он сел у костра, воткнул рядом нож, которым разделявал тушу кабана, и выдал по миске рублёного мяса, запечёного в камнях.

Впервые я смог подробно рассмотреть лицо своего врага. Митяй, когда брал нас в плен, огрел по лбу и вырубил сознание, потом ходили с мешком на голове, не всегда, но периодически он путал нас, чтобы не запомнился путь. И тут он наконец устался на меня.

Нас приковали друг к другу по рукам и ногам, оставив свободной правую руку, выдали пластиковую вилку и пожелали приятного аппетита. Я видел боком, как сверлил меня взглядом Илья: “Это что, еда? Зачем он так?”

Мы не ели все эти дни. Только пара галет — и всё. Удача Митяя на охоте подарила кабана, но кто ж думал, что он с ним поделится... В его взгляде читалось обыкновенное желание поесть, без намёка на издевательство.

— Ешьте.

— А в чём прикол? — Илья всё ещё не доверял.

— Я не травил еду, если ты об этом.

— М.

Молчание. Громко хлопнуло бревно в костре, взметнулась ввысь красная искра.

Митяй стал есть при нас, но мы не притронулись. Я тоже решил выждать.

— Да вы серьёзно, клоуны? — возмутился наш пленитель через пять минут. — Зачем мне травить?

— Не знаю. А зачем было срать на нас?

— Когда это?... Ну, было дело, и что? Давайте всё будем помнить.

— Давайте.

Военный разозлился:

— Это не худшее, что вас ждёт!

— Хотелось бы знать, что ждёт, — вставил я, — а то водишь нас по Периметру, будто босяк выгуливает на улице свою девку.

Митяй на это никак не ответил, только есть стал. Первым сдался Илья — у него живот урчал, как мотор. Чтобы друг не обиделся, я тоже переборол страх и взялся за вилку.

Мясо воняло, но сочность придавало сил. А ещё никакой приправы или хотя бы соли. Но мы жадно поедали кабана, как в последний раз.

Под ноги кинули флягу воды. Митяй не жалел её, но интуиция подсказывала, что он хочет расслабить нас для разговора. Мы смертельные враги и нас ведут на некое подобие казни — вопрос лишь в степени её жестокости, — но определённо от нас чего-то желают. Понять бы, что.

— Так почему ты не жалеешь? — поинтересовался Митяй у Ильи.

Раздобренный едой дружок снял пару крепостных стен.

— А ты бывал на том корабле?

— На “Чёрном лебеде”? Нет, конечно.

— Мы там были. И видели всё своими глазами, — Илья вилкой сначала указал на свой глаз, а потом на военного. — Если б знал, что там творилось.

— Ой, да знаю я. Чё ты мне сейчас глаза раскрывать собрался?

Разговор быстро перешёл в горячую фазу. Они громко обменивались оскорблениями. Нужно студить, чтобы выяснить намерения.

— Мы сделали то, что должны были сделать, Митяй.

Услышав своё имя, военный на несколько секунд оторопел. Я продолжил:

— И ты, если в тебе осталась хоть капля совести, поступил бы точно так же. Или жёстче. Жестокость в твоём стиле, да?

— С чего ты взял?

— Ну... — мы иронично протянули.

— Ты просто пойми: я — кадровый офицер, начинал контрабасом, потом учебка, война, гражданка, и больше ничего. А кто вы? Вы — дерьмо, которое вылезло из этого ничего. Вас надо загнать обратно в ту задницу, откуда вылезли.

Я вздохнул.

— Знаешь, в чём беда?

— Ну?

— Ты хочешь быть праведником, а живёшь совсем не по морали. Ты ради кого-то пытаешься вырядиться? Кому нужна вообще твоя правильность?

— Не вам, бандитам, решать. Я за свою страну кровь проливал, у меня боевые за защиту родины от Периметра, — Митяй вызывающе поднял подбородок. — А у тебя что?

— Пацан, мне двадцать один год. Ты нормальный?

— Мне двадцать, — заметил Илья. — В январе исполнилось.

Я с удивлением повернулся:

— У тебя была денюха?

— Ну да. Особо не поприднуешь, — Илья потряс рукой с наручником.

Молчание.

— С днём рождения, — расплылся я в улыбке.

— Хах, спасибо.

— А мне двадцать пять, ребята. И всю свою жизнь я посвятил стране — той самой, которой больше нет. У меня без неё нет будущего, понимаете?

— Не очень, если честно.

Митяй протянул с паузой, колеблясь, что сказать смертникам. Смотрел он долго — и прежде всего на меня — и как бы подбирал слова для обвинения. Мне и в голову бы не пришло, что у человека заготовлен свой, “офицерский” суд чести.

И парень заговорил, и говорил он долго, эмоционально, с матом и оскорблениями. Было сказано много громких слов. И Митяй всё распался, всё сильнее жгло его чувство праведного гнева, каким он его считал и над которым мы втайне потешались.

Что мы для него крысы, которые питаются падалью, объедками со стола, “чтоб пережить денёк-другой, перекантоваться”, а сами ничего не делают, никому не служат, кроме своим шкурным богам, своей алчности и личной выгоде; в словах наших пустота, в поступках — грязь, и вся жизнь наша такая, бесполезная и вредная.

Что такие, как мы, превратили его в чудовище, потому что обнулили его жизнь, и остается с братишками за третьей рюмкой поминать не павших товарищей, а свою молодость, гадостливую юность, отданную на поругание радиации, аномалиям и коррумпированным свиньям; а могло быть всё иначе — и служба нормальная, и выплаты положенные, и без сталкеров, которые в спину стреляют, им бы лишь задницей приторговывать на потеху олигархам.

Что такие, как мы, уничтожили его государство, а значит и его будущее, и теперь ему, перспективному пацану, следует опуститься на дно, встать на колени и питаться вместе с нами,

крысами, с одного пола, с асфальта соскребать дерьмо, “жить на какую-то блядскую крипту”, которая за Периметром далеко не всеми признается; и всё из-за таких, как мы, вся армия превратилась в хаос, с безмозглыми генералами, непонятно кому служащие и строящие под Москвой царские посёлки, наживаясь на Периметре, играя дудкой с крысами; как будто бы он, Митяй Гаврилов, тоже заслуживает своей чести — погон с большими звёздами, дорогую машину, блатное тёплое местечко в штабе, чтобы рядовые ему в глаза и на плечи смотрели с полной завистью, а он только и подписывал приказы в паркетных кабинетах.

“Странная у пацана логика, — подумал я, — что у него все враги как крысы, а по итогу и он сам вроде крыса...”

— Вся моя жизнь, — Митяй ударил несколько раз ладонью по земле, — отныне и навсегда в этой долбанной аномалии, я — раб Периметра! Потому что ни военной пенсии, ни выплат нормальных, ни гарантий трудоустройства, ни твёрдого денежного довольствия мне, лейтёхе, не положено. Я из-за таких, как вы, никто. У меня нет будущего, потому что государства нет, всю госмашину изъели крысы, вместо того, чтобы родину защищать, они полезли ради шкурного интереса. Мою жизнь украли и изнасиловали.

Никто не посмел его остановить.

Ещё минут десять, не меньше, он продолжил своё обвинительное заключение; наконец, когда его лицо уже покрыло алым заревом от затухающего костра, его внимание отвлеклось с нас. Он резко встал, дёрнулся сначала влево, потом пошёл направо, пнул рюкзак — полетели вещи, — схватил собранный хворост и кинул охапкой на угли.

Пламя быстро возродилось. Снова в очаге что-то защёлкало. Прилесок был весь в дымном тумане.

Я украдкой взглянул на Илью. Друг, заметив взгляд, ухмыльнулся: “Ну, точно больной! Фанатик!”. Мне лишь оставалось пожать плечами.

Ненависть Митяя была понятной — тяжело признать тщетность, напрасность своих трудов. А они у него, по-видимому, всё-таки были. Не знаю, сколько времени парень провёл в Периметре, но чувствовал он себя на этой земле прекрасно. Но таких парней было немало и в моём окружении: подписали контракт, уехали, приехали, снова уехали, а потом уже не приехали... Кто-то сидел в полной нищете, кому-то грозил уголовный срок от полуразвалившегося суда — и непонятно, кто бы исполнил приговор, оставшийся на бумаге, — кого-то ждала смерть от арспидов, кто-то задолжал бандитам. У всех была своя причина, но каждому требовалась идеология, ради чего на алтарь положена его жизнь и его служба.

Когда Митяй успокоился, я спросил:

— Так значит, ты нас отдашь этим политиканам? Чтобы судили за “Чёрный лебедь”.

— Ага, — пробурчал военный.

— Которых ты, похоже, тоже считаешь крысами.

— Ну а что поделать? Правила такие. Чтобы их изменить, надо кем-то стать.

Вот и первая зацепка. Не успел я раскрыть рот, как за меня съехидничал Илья:

— Понятно. Цена справедливости — это чьи-то капитанские погоны.

Митяй насупился:

— И что?

— Меркантильность? — усмехнулся Илья. — Нет, не думаю.

Военный, кажется, его не понимал, тогда я объяснил.

— А иначе мне не прорваться наверх. Как хотите, так и обзывайте, вы всё равно для меня черти последние.

— Скорее золотые, — мне не удалось сдержать сарказма.

— Золото-звёздчатые, — спикировал Илья. — Давид, как ты думаешь, можно ли было заработать на наших хвостатых шкурах больше?

— Определенно.

— Ну сколько?

— Да хоть миллион крипты. Мы единственные свидетели произошедшего.

— Лям крипты? Определенно больше.

Митяя такой разговор стал смущать. Он отвернулся, и мы продолжили натиск.

— Ну кто бы купил? — Илья не унимался. — Этот хмырь? Который нас вербовал?

— Михаил Васильевич? Забавно, что этот гэбэшник нас завербовал на саботаж “Чёрного лебеда”, а судить нас собрался вояка, лейтенант.

— Одна рука не ведает, что творит другая, — Илья аж чмокнул от удовольствия. Философия отпустила его на время от невзгод. — Вот так и существует эта система: сами создают проблемы, сами их решают, сами себя награждают, и где-то в пыли, дерьме и темноте простые пацаны гибнут за бирюльки.

Митяй резко взялся за нож.

— Послушай! Не тебе говорить за пацанов! Это вы положили всю мою группу.

— Кто тебе такое сказал? — я изобразил удивление. — Не может такого быть.

— А кто ж ещё? Вы лучших ребят расстреляли.

— Тебе должно быть видней, что творится в Периметре. Мы из народа, а ты при погонах — вот и ковыряйся, разбирайся. При чём тут мы? У нас был контракт, конкретная сделка...

Митяй встал:

— И вы загубили пацанов за неё! Целая спецгруппа так и осталась лежать в земле. Этих людей тянул лично, поднимал и обучал, готовились к настоящей службе. Я их всех похоронил — там же, в этой земле, ещё и несколько рентген нахватал. А за что пацанов угробили? За бабло, за крипту какую-то?!

— В жизни случается всякое, а вообще: чёрная дорожка, белая дорожка...

— Хватит!

Илья неприятно засмеялся.

— Ты тот ещё криповый чел, скажу тебе. Вообразил манямирок, требуешь с каждого жить по чести — а сам? Ты обыкновенный дебил.

Нож молниеносно влетел в ногу Илье. Раздался крик ужасной боли.

— Что ты творишь?!

Митяй стал избивать Илью. Я попытался достать автомат — упал на бок и пополз червяком к автомату, но тут же вспомнил, что прикован намертво к другу, а его, упитанного кабана, я в таком состоянии не вытащу, да и как его тянуть, когда над ним взгромоздился этот подонок? Вояка методично вбивал в него кулак, выбрасывая всю накопленную ненависть, а мне приходилось периодически уворачиваться, чтобы случайный удар влетел не в лоб, хотя бы в плечо.

Покончив с другом, он достал из его ноги нож, вытащил из рюкзака аптечку — кинул её мне со словами “Займись”. Лицо Ильи напоминало один большой синяк, но он не показывал ни одного знака разочарования или угнетения.

Скорее наоборот, тихонько радовался. Слишком хорошо я знал своего друга. Будь Илья напуган, сомкнулся бы, сжался в плечах и молчал. А тут глаза живые, и огоньки костра в них пляшут.

— Ну, Пумба...

— Да, Тимон?

— Язык твой — враг твой.

— Ага. Ну, что поделать. Зря, что ли, книжки читал.

Митяй, похоже, перегревшись от возмездия, вдруг схватил меня за плечи, вздёргнул, встряхнул дважды, и белыми от бешенства глазами вперил в меня взгляд:

— Если ты ещё раз посмотришь на мой автомат — забью прикладом и его заставлю наблюдать.

— Так точно.

— Славно!

Он куда-то ушёл в темноту. Остались мы, да сова, где-то сидевшая поблизости и угукавшая. Потихоньку светало.

— Зря ты так, — сказал я шёпотом. — Одному мне с ним не справиться.

На радость обоим, рана на ноге оказалась неглубокой. Жирок оказался полезным. Обработав спиртом рану, я обратил внимание на правую руку Ильи.

Его кулак что-то сжимал.

— Bravo, — шепнул я. — Люблю я тебя, дружище.

— А ты думал, почему я стал храбрее льва, — хохотнул пухлый друг. — Выживает умнейший.

Наступил рассвет.

Глава 2. Не маши хвостиком

Всполох алого огня — шипящая красная звезда — озарил всю округу. Митяй выстрелил уже третью сигнальную ракету, но никакие вертолёты, спасательные отряды или хотя бы люди не этот зов не появились.

От резкого похолодания местность затянуло туманом. Мы стояли в деревушке, и от холода на шпалах, рельсах и щебёнке собралась крупная роса. Илья покашливал. Лягушки так громко квакали, что глушили шаги по щебёнке. Уж не знаю, чего им так распелось в январе, но их ква-а-а-а и ква-ква разлеталось по всей округе. Серое небо давило, из леса дул влажный ветер и покрывал едва заметный дождик, только щебёнка от него заблестела — то было знаком, что он идёт давно, с самой ночи.

Поблизости ни души, из аномалий — сверкали зелёной ниткой лучи вокруг чёрных сосен; с кроны одной из них медленно осыпались в небо иголки — поблизости работало гравитационное возмущение.

Вот вылетела ещё одна шипящая комета, и снова ничего, всё пусто, кругом красная пустыня...

В глазах военного читалось недоумение. Все последние дни он чувствовал себя героем: поймал преступников, изменников, саботёров и террористов, как любил говорить нам за костром. За этой садистской логикой скрывался подлинный мотив отмщения — братишек его ведь мы убили, не корпораты какие-нибудь, у которых шкурный интерес, а простые пацаны, такие же, как он сам. В митяевой голове всё это не укладывалось, что против вояк идут простаки, поэтому и ненависть к таким невыносимая — такая, что ради неё можно и поступиться человечностью, принципами, моралью, наконец.

Но то было в прошлом... Стоит Митяй и не понимает, как его с таким ценным грузом не забрали, да ещё под гром оркестра. В его глазах уже алмазом блестели дорогие плюшки: тут тебе и служебная квартира в Екатеринбурге, и новые погоны, и должность покрупнее, может быть, уже и без полевой работы в Периметре, не надо будет отлавливать всяких проходимцев. Всё это стало меркнуть и гаснуть спустя час ожидания.

И на его рацию никто не отзывался.

— Что ж... — Илья ехидно заулыбался. — Кажется, нам пора разжечь костёр.

— Завались!

— Митяй, — я обратился по имени, чтобы они опять не встряли в перепалку. — мы замёрзнем, если будем стоять вот так на улице.

Холод нарастал. Погода менялась на глазах: ещё утром мы хорошо видели до горизонта, а теперь всё, что за железной дорогой, уже устлано непроницаемым туманом. Ветер из леса ещё выдувал тёплый воздух, но с неба уже сыпались белые снежинки — а мы коченеем в простых комбинезонах с Чёрного лебедя.

Снова ракета, вновь алый свет... Отчаянный Митяй надеялся, что в такую погоду прибудет вертолёт.

— Ты уверен, что это верные координаты?

— Я по-твоему идиот?

— По-моему, здесь никогда не было военных. Вот что я думаю.

— Ладно, — в голове Митяя внезапно прояснилось. — Идём в дом.

Посёлок Кувалжиха выглядел целым, хоть и заброшенным: ни следов боёв, ни разрушений. Митяй выбрал крайний дом возле железной дороги: широкий, в три окна, только пристрой осыпался и лестница на второй этаж упала, но крыша целая и стекло не битое. Дверь снесли с плеча, увидели готовую растопку — сразу взялись за розжиг.

Мы сидели у печи и отогревались. Погода портилась ежесекундно, и всем стало ясно, что никакой передачи, никаких военных не предвидится в ближайший день, а может, и все два. В доме ничего примечательного не нашлось, кроме охотничьего ружья с патронташем да курток с шапками. Из домашней библиотеки остались только Тургенев и оплесневевший Мамин-Сибиряк – оба пошли на растопку. На кухне всё перегнило несколько раз, стоял спёртый запах, из съестного осталась только банка облепихового варенья, есть которое никто не решился.

Что было на втором этаже, мы не знали; я надеялся, что мутант здесь не водится. Постепенно тепло накопилось в доме, и мы немножко подобрели, и у Митяя, казалось, в глазах появился прежде невиданный блеск.

— Итак, каков наш план? — спросил Илья, грея руку у печи.

— Наш? — Митяй проверял обоймы к автомату. — Вы в плане отсутствуете. Сдам вас со следующим отрядом.

— А если он не придёт?

— Придёт.

— Чел, ну допустим, что не придёт.

Митяй отбросил в рюкзак обойму:

— Да что ты заладил, не придёт да не придёт? Непогода, борт не отправили, всё! К чему поиск смысла там, где его нет.

Фраза про смысл вызвала у нас улыбку, что сконфузило вояку.

— Скажи, Митяй, а ты правда не думал о другой жизни?

Он уставился на меня с удивлением:

— Это вот как?

— Ну, например, стать сталкером.

Митяй загоготал:

— Чтобы стать таким, как ты?

— А чем я плох? — в моих словах прозвучал искреннее недоумение. — Я что делаю в Периметре? Выживаю. А что я делал в Снежинске? Выживал. Ты думаешь, мы тут жирели за счёт артефактов?

— Не знаю, чем вы тут промышляли... — пробубнил Митяй. И ружье, и Калашников стояли у стены, по правую руку его, в секунду он мог схватиться за любой из стволов.

— После того, как мы сбежали из твоей ямы, нас хорошо так помотало. Я не видел дорогих артефактов, да и обещанных сумм в крипте, боюсь, мы так и не получили, верно, Илья?

— Верно, — усмехнулся друг, шлёпнув ладонью по полену.

— И что ты предлагаешь? Жить вот так, — с презрением кивнул на меня Митяй, — бегать, как крыса дезертирная, по помойкам? Что у вас дорого? Клубки, студни? Как их там, римские свечи?

Тут меня накрыло воспоминаниями. Мне шестнадцать, всех без разбору записывали в Гражданскую оборону — чтобы устаканить ситуацию в стране и разобраться, с чем столкнулись мы после доставки груза с Венеры. По документам я должен был находиться в расположении части, обслуживающей зенитный ракетный дивизион близ Екатеринбурга: войска охраняли город от летающих мутантов, но дивизион этот входил в состав печально известной бригады, командир которой то ли слишком много пил, то ли слишком часто бился головой, звеня армейской каской. Подразделения Гражданской обороны очень часто погибали от налётов чудовищ, поэтому люди оттуда бежали, прятались в Екатеринбурге, где снова записывались в ГО, но на сытную и спокойную должность.

Это были первые годы, самые нестабильные и жестокие, хотя жестокости после не убавилось, наоборот, прибавилось в разы от беззакония и форменного рабства, но к этому безжалостному отношению человек нет-нет да привыкнет всё равно. Поэтому, когда мою роту

направили на помощь, то по прибытии никакого зенитного ракетного дивизиона уже не было, а стоявший на холме командир ответил на мой вопрос кратко:

— Пшёл нахер.

— Никак нет, товарищ командир. Мне приказано...

— Ты тупой или да? — он показал тогда рукой, а потом оздоровительно влепил оплеуху: — Видишь тут армию? Нет никого, всех минусовали. Я один сидел в кустах, как заяц, с АПС разряженным, даже стреляться было нечем. Всё, конец, страны нет!

Командир этот на следующий день неудачно стрелялся — видимо, пистолет или патроны себе он всё-таки раздобыл. Два дня стонал в лазарете, пока не помер, повторяя одну и ту же фразу, что страны-де у него нет и делать больше нечего. Я посмотрел на всё это — безлюдная часть, разворованная техника, разобранные кем-то боеприпасы, стрелявшийся командир, — и бросил это дело. Страны ведь больше не было: те, кто представлялся от имени государства, чаще всего оказывались сомнительными рожами с подозрительными ксивами, и требовал невероятное: то заплати долг криптой, то принеси артефакт из Периметра... Наша рота, как и вся Гражданская оборона, рассыпалась, и я вернулся в Снежинск, к друзьям, и стал крутиться.

— Митяй, ну вот как тебе ответить... Формально да, меня можно назвать дезертиром, а неформально — нет.

— Ты тупой или да? Можешь нормально ответить мне?

— Могу, только разница? Ты либо не поймёшь, либо разорёшься, как бешеный.

На Митяя это подействовало отрезвляюще.

— Хорошо. Говори.

— Между мной и тобой особой разницы нет. Да, ты считаешь себя очень убеждённым человеком. Я заметил, как ты старался для офицеров, выслуживался прям, только чтобы подняться наверх и, как тебе кажется, исправить ситуацию. Всё это звучит правда круто, но вот незадача — а что, если всех устраивает такая ситуация? — я подержал паузу. — Что, если это всё выгодно? Всё это беззаконие, липовые генералы, бандитизм, ублюдки с садистскими наклонностями, бизнес с артефактами, арспиды, с которых люди ширяются так, что забывают, кем были... Я же не плохой человек, Митяй. Я хотел просто пожить хорошо. Да, записали в ГОшку, ну, пришли мы туда, а что там? А нет армии, и страны уже нет. Нас на холостом ходу, по привычке, собирали в кучу, выдавали форму, ствол и дуль вперёд. А на месте пусто!

Митяй краснел на глазах.

— И вот что я тебе скажу, Митяй. Если бы не моя бывшая, которая влипла в долги, я бы в жизни не подумал лезть в Периметр. Мне оно зачем? В жизни есть много других способов сдохнуть, чем лучше эта проклятая зона? Я же хотел подкопить крипты, дожидаться сезона караванов, загрузиться в тачку со своей Ариной, и до Москвы, до самого конца, потому что жить хочется, жить, ты понимаешь меня?

Митяй резко встал, весь напрягся, одной рукой схватился за винтовку. Вот мне сейчас прилетит, и тянуло мне болтать с этим психом...

Однако вместо этого Митяй приложился к стене у окна, одновременно вытащив планшет. Мглистый, почти молочный туман, скрывавший всё, что было за окном, стал рассеиваться, и показалась напротив нас автомобильная дорога.

А на ней — четыре человека.

— К нам гости, — Илья дёрнул меня за руку, скованную наручниками с его рукой.

— Вижу-вижу.

— Похоже, не его братишки.

— Заткнулись! — приказал Митяй.

Илья шикнул, показав на рукав. Лезвие блестело. Мы перешли на язык жестов:

Пора?

Нет!

А?

В окно, в окно смотри!

И?

Это же враги

(с улыбкой) Ну и хорошо

Нет, пусть сначала подерутся

Уф...

Идея сбежать, заколов на всякий случай Митяя, звучала заманчиво, но риск напороться на ещё больших отморозков был слишком велик. Четверо, тем временем, двинулись к нашему дому, выставив вперёд оружие. Удивительно, но по ним из ниоткуда прилетела пуля – крайний слева разбрызгал головой всё, что в ней было, а остальные от внезапности принялись палить прямо в дом.

Белые кирпичные стены пробивали винтовочные пули, шквал нарастал, а мы всё лежали, а Илья всё показывал жестами: Ну давай! Давай же! Он стоит к нам спиной, ему сейчас не до нас! Но я видел в Митяе шанс пережить заварушку — он из фанатиков своего дела, и вместе с тем для него мы — будущее, валюта, за которую можно купить билет в лучший мир.

Митяй не стрелял в ответ. Когда огонь прекратился, троица разбежалась по лесу.

— Это не наши, — сказал вояка.

— Да ладно? — засмеялся Илья, вытирая белую штукатурку с лица. — Серьёзно, что ли?

— Кто такой Мага? — вопрос повис в воздухе.

Ух ты. Какие люди оказались в Периметре. Интересно, случайно ли наткнулись с его бандой в таком отдалённом от основных дорог посёлке? Подозреваю, что нет.

— Этот человек — причина, почему мы здесь.

Митяй молча включил голосовое сообщение:

Здорова, братва, мир вам и пусть всё у вас будет хорошо. Значит, такая случилась бадяга: трое бесов нашкодили в Периметре, двух я знаю лично — это Давид и его дружбан Илья. Этих шлангов обещано шлёпнуть, и подмазали за это по полному разряду... Короче, бесы мне нужны. Кто хочет бабки чистые — топайте к Иванчику

— А кто тогда стрелял в них? — спросил я.

— Наверное, вот эти, — Митяй прочитал вслух сообщение. — Это сурики. Давид и Илья — наша цель. Клиент обещает содействие и поддержку по всем вопросам, гражданство и должность в корпорации, если поможете разыскать, достать или убить. Инициатива приветствуется.

Илья засвистел:

— Конкуренты!

— Дорого вам обойдётся уничтожение Чёрного лебедя.

— Что? — усмехнулся я. — А тебе разве нет? Не ты ли должен был сопровождать нас на секретной миссии?

— Мой отряд... да катись ты к чёрту!

— Ну, вот то-то и оно, Митяй. Вот почему мы одинаковы.

— Да ни хрена мы не одинаковы! — заистерил вояка.

— Ещё как. Посуди сам: ты вечно судишь нас как бандитов, а, стало быть, сам ты не бандит? Участие в серой схеме — это же так легально, да? Слушай, а вообще у тебя план имеется?

— Конечно, — Митяй отвёл взгляд.

Ну, всё ясно.

— Я вижу, что до тебя стало доходить, что мы трое в полной заднице. Так вот, если хочешь спастись, нужно решать немедленно, как сбежать из этого посёлка, прежде чем нас не выкурят отсюда или не забросают гранатами. Смекаешь? Ты же живучий подонок, должен же взвесить все риски.

Митяй, поколебавшись несколько секунд, молча подошёл, отстегнул наручники и выдал мне ружьё. Илья, шокированный этим, сначала что-то промычал, а потом выдал:

— Эй! А мне оружие?

— Вот скоммуниженным ножом и тыкайся.

Илья покраснел, но протестовать больше не решился. Митяй полез на крышу, чтобы оценить ситуацию и найти возможный путь отхода, а мы присели у затухающей печи.

— Неужели нельзя его кинуть?

— Шанс на выживание без него близок к нулю.

— Да что тут выживать, бежим в лес и всё...

— Что ты понимаешь? — взбесился я. — Илья, очнись, с одной стороны бандиты Маги, с другой стороны — наемники корпорации, чью тарелку сбили. У всех контракт на наши головы. Усёк? А этот, — я кивнул на чердак, — он же упёртый баран, у него желание мести превыше всего. Да он скорее сдохнет, спасая нас, чем отдаст свою награду в чужие руки. Нам он сейчас нужен.

— Ну а если он сдаст нас военным? — не унимался Илья. — Что тогда?

— Да решим что-нибудь. Продадим информацию, я не знаю, или возьмём контракт. Договорняк устроить не проблема — было бы с кем!

Спустился Митяй.

— Дело дрянн. На железке сидят наёмники, а у леса бандюки. Ближе всего лес, огонь на бегу.

— Там же бандиты... — сказал Илья.

— И аномалии, — добавил я.

— Какие ещё аномалии?

— Лучи там вертикально, как стволы, стоят, не видел?

На минуту установилась тишина.

— Впрочем, Митяй прав, — вставил я.

Брови Ильи сомкнулись в гневе.

— Если там есть лучи, это наш шанс на выживание. Во-первых, бандиты не стали бы устраивать лагерь прямо в лесу, где есть аномалии. Во-вторых, можно лавировать, как в лабиринте, между ними — по прямой бандиты не побегут, им придётся гасить скорость, если пробьёмся через засаду.

— А ничего, что там лучи? Тебе за жизнь мало одной лучевой болезни?

— Мы на бегу их хорошо разглядим, ну и потом, у военных же есть лекарства, да, Митяй?

Вояка промолчал.

— Митяй?...

— Ой, да есть, конечно. Значит так, берём штурмом позиции бандюка Маги, и дуем в лес. Когда оторвёмся от преследования, вернёмся крюком на нужный маршрут.

— Ух ты! — Илья хлопнул в ладоши. — А вот и резервная точка эвакуации появилась. Стоило прижать Митяя...

— Да заткнись ты уже, свинья!

— Всё, молчу.

Разговор прервал возобновившийся бой. Наёмники открыли огонь по дороге и лесу — голые берёзы подрагивали от пуль, прошиваемых пулями. Затем ещё обмен гранатами, и бой опять прекратился. Митяй включил на своём командирском планшете радиосвязь, ища на частотах переговоры. На одной послышался знакомый голос:

— Здорова, бродяги! Ответьте на частоте. Как слышите.

Ему в ответ:

— Ты кто?

— А мы люди Маги, и я пацан дворовый, Иванчиком звать. Вы чего шалите? Чего пацанов стреляете? Братва, чё за кипеж?

Мы, улыбаясь, переглянулись. Митяй спросил:

— Ваши, что ли?

— Не совсем.

Митяй насупился:

— Да всё у тебя вполонину, одни недомолвки какие-то.

Я в ответ закатил глаза. Мы продолжили слушать:

— Иванчик, разворачивай своих бомжей и дуй в обратном направлении, – второй голос бил по ушам чуть ли не сиреной. — Это последнее предупреждение.

— Это ты типа наехать решил? Вы кто такие? Мы вроде не знакомы... Пацаны тут спрашивают, может, вы петухи какие-нибудь, зашквариться не хотим, общаясь с такими.

В ответ противный голос сорвался на благий мат. Его поносило с минуту: он упомянул всех родственников Иванчика, всех его шестёрок, будущих детей и его, собаку сутулую, тоже упомянул. Успокоившись, он всё же представился – но как представитель своего работодателя.

— Братан, ну у тебя фляга свистит конкретно. Ну ты базар держи, а то ведь завяжу шнурок на шейке.

— Слушай меня внимательно. У нас задание найти Синичку и его блядогномов. Корпорация объявила ордер на их поимку и арест.

— Вот это приколы. Теперь у нас корпорации занимаются мусорской работкой? Так, что ли? Ну ты пойми, дядь, мы тоже ищем Синичку, а ещё двух лошков с ним. Хошь не хошь, а они наши. Но если не желаешь ругаться с Магой, советуем по-хорошему балдеть сейчас в Чебах или в Медведе, расчухаешься там под пивко...

— Да хер я клал на твоего Магу. Передай своим — через минуту мы расстреляем вас как собак.

— Ну это мы ещё посмотрим.

Радиопереговоры окончились, вслед за этим последовала новая пальба. Митяй проверил автомат.

— Готовы? Не машем хвостом, пулей вперёд.

Мы, нацепив шапки и куртки, кивнули.

— Снимаем ближайших у дороги, затем бежим на всех порах в лес. И пригибайтесь!

Гром стекла, автомат наружу — пули Митяя быстро находили жертв. Бандиты сосредоточились на железной дороге, откуда стреляли наёмники, а про дом позабыли; кто замечал выстрелы из дома, того Митяй снимал в первую очередь.

— Пошли!

Мы рванули на улицу. Сзади шла пальба, спереди лаяли автоматы — казалось, этой перестрелке нет конца, она повсюду, проникает в уши, в каждую пору моей кожи. Кричал, чуть ни плача, Илья, опять он задыхался от веса... У трансформатора резко возникла фигура бандита:

— Куда мчишься, петушок?

— С днём рождения! — я на бегу выстрелил ему в живот.

— Осталось ещё чуть-чуть! — Митяй отстреливался уже от наёмников.

Теперь и они заметили присутствие в бою третьей стороны.

— Стоять, говнодавы! Стоять, кому сказал! Зашибём вас!

— Говна поешь! — крикнул я наёмнику на прощание, спрятавшись за стволами берёз.

Самый опасный участок позади. Вроде из тела ничего, кроме пота, не течёт, можно перейти на рысцу. Бегать по лесу без детектора аномалий — одно сплошное удовольствие, русская рулетка. Нужно не сбивать ритм дыхания, следить в оба, глазами ловить каждую неточность, ненормальность в обстановке.

Слева! Зелёная искорка пробежала по ветке.

Я шарахнулся в сторону, и луч, не успев зацепить меня, взвыл как сирена. Молния не ударила.

Дальше их ещё больше. Прямо по центру, слева две, ещё одна прямо на пути, ещё две справа, нет, их больше – их целых пять, сожгли все берёзы, все стволы почернели от радиации, пепел гуляет по ветру, хоть бы дозу не словить, не подцепить лишних рентген.

Вдруг я увидел Илью, лежащего на спине. Резко меняю маршрут – и тут же из ниоткуда получаю удар в живот. Воздух тут же пошёл наружу.

— Опачки, зайчики прям в руки скачут.

Невысокий пацан в военном комбинезоне с зелёным листом на бронике держал стойку с ножом. Друг болезненно мычал, но двигался.

— Не ссы, твоей Ирине просто фанеру пробил. Ну чё, пойдём к Иванчику? По-хорошему только.

Я огляделся по сторонам. Никого нет, и Митяй потерялся. Над головой бандита появился на какую-то долю секунды золотая блёстка, совсем маленькая, чтобы её заметить, нужно почти что прищуриться.

— Ладно, братан, хорошо, только дай друга поднять.

— Хо-хо, внатуре лохи сами попались, — продолжая прыгать в стойке, как боксёр на ринге, он взял другой рацию и загорлопанил: — Иванчик! Босс, аллё, поймал я шланги, всё чики-пуки, линяли с засады. А чё, я в непонятках, чё там с нашими. Да ща приведу зайчиков и вернусь за остальными.

Я дёрнул бровью перед Ильёй. Тот крикнул, будто ему больно встать на ноги. Он взялся за моё плечо, и мы, разыгрывая инвалидов, резко и одновременно пихнули ногой — я правой, а Илья левой — в живот бандиту.

Не имевший большой массы человек, однако, показал крепкую силу, удержавшись и не упав на землю. Но этого и не требовалось, всего маленьких три шага превратились в роковую дорогу: луч, ощутив в эпицентре жертву, провыл нарастающей сиреной и прогремел жёлто-зелёной молнией. Тело бандита осветилось голубым мерцающим светом, незадачливый весь дёрнулся, как от удара током, посмотрел на нас изумлёнными глазами.

Половина его лица тут же покраснела, набирало малиновый загар и закровило, правый глаз покраснел и тоже закровил, и, как-то странно вздохнув, он произнёс:

— Ой, пацаны, а чё так больно...

Его тут же вырвало, и сразу за первой рвотой открылась вторая. Не желая смотреть на это, мы пошли вперёд. Я напоследок сказал:

— Ты теперь ходячий Чернобыль. Могу помиловать, — в руках помахал только что поднятым ружьём. — Чисто по-человечески сделаю.

У бандита помутнел рассудок: он мотал головой и ладонью изображал несогласие. Вряд ли он понимал, что происходит рядом. Я озадаченно вздохнул. Ну, он же не просил меня? Не просил. И один патрон лишним не будет.

Мы последовали дальше, как справа щёлкнули затвором.

— Стоять. И оружие на землю.

Митяй, кто же ещё. Илья кинул ему в ноги нож, которым так и не воспользовался, а я, погладив ружьё, попрощался с ним – и тоже бросил под ноги. Митяй толкнул нас в спину, нацепив обратно наручники, с толикой насмешки добавив:

— Погуляли и хватит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.